
НИКОЛАЙ БОЧКАРЁВ
МЕСТО

Николай Бочкарёв
Место

https://litres.ru/74723368
SelfPub; 2026

Аннотация

Поэт бежит из Сорбонны, роняя рукопись и рассудок. Псаломщик стоит под анафемой в сицилийском монастыре — и видит свет. Писатель заходит в курганское кафе на улице Гоголя — и встречает их обоих.

Три истории. Одно Место.

Содержание

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. ПОЭТ 4
Часть первая. Сорбонна 4
Часть вторая. "Рассвет" 8
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Николай Бочкарёв
Место

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. ПОЭТ

Часть первая. Сорбонна

Зал был переполнен. Париж, Сорбонна, вечер вручения премии — той самой, о которой он мечтал ещё мальчишкой, когда писал первые, неуклюжие, восторженные стихи о солнце и любви. Теперь он не писал о солнце. Теперь он писал о том, что видел во сне. О чём не говорил вслух. О чём молчал даже с самим собой — до тех пор, пока перо не касалось бумаги.

Он стоял на сцене, залитый жёлтым, тёплым, человеческим светом. В руках — потрёпанная папка. В папке — та самая поэма. Его шедевр. Ради неё — все эти годы. Ради неё — премия, слава, признание. Зал затих. Тысяча лиц. Друзья, коллеги, критики, поклонники. Люди, которые пришли смотреть на него.

Учитель ораторского искусства советовал: прежде чем начать говорить перед большой аудиторией, выбери одного произвольного зрителя и рассказывай всё ему. Он выбрал в

центре первого ряда полнеющего брюнета с остренькой бородкой и начал читать.

В зале приглушили свет, а на него, наоборот, направили два ярких софита. Он уже плохо различал человека в выбранном им кресле, но это было неважно, второстепенно: он поймал волну и теперь рассказывал этому человеку всё то, что пронёс через эти годы творческих взлётов и разочарований.

Голос был ровен, спокоен. Он знал каждое слово наизусть, но всё равно смотрел в лист — так было легче. Легче чувствовать за своей спиной эти бумажные крылья, хотя сейчас они были для него крепче титановой стали.

Всё шло очень хорошо, прямо замечательно, как вдруг направленные на него софиты, лопнув, перегорели один за другим. Тут же включили общий свет, а за сценой забегали какие-то невидимые люди, поминая на французском всех святых.

Оторвав взгляд от листа, он поднял голову. И увидел.

Кресло. В первом ряду, в центре. Пустое. Для всех. Просто место, которое покинул зритель. Просто пустое кресло. Ничего особенного, может добрый зритель в первом ряду просто вышел покурить или выпить немного коньяка.

Но, приглядевшись, он увидел. Кресло не было пустым.

Там, в кресле было — МЕСТО, это он понял сразу. Не существо. Не сущность. Дыра. Врата в Ничто, что старше времени, холоднее вакуума между галактиками, безумнее всех

кошмаров всех безумцев, вместе взятых. Он узнал его. Он никогда его не видел — но узнал. Как узнают лицо убийцы в толпе, даже если никогда не смотрел в его глаза. Потому что это лицо всегда было внутри. Ждало.

Взгляд ещё раз метнулся туда. Он не хотел больше туда смотреть. Он пытался отвернуться, зажмуриться, упасть, закричать — но взгляд уже вошёл. Прямо в сердцевину МЕСТА.

И тогда — его накрыл с головой ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ ПОТУСТОРОННИЙ УЖАС.

Сердце сжалось ледяным комом. Кровь обратилась в жидкий азот. Воздух вырвался из лёгких — и не вернулся. Разум выронил вожжи. Мысли испарились, оставив провал звёздной пустоты. Осталось только ЧИСТОЕ, НЕОПИСУЕМОЕ, АБСОЛЮТНОЕ ЗНАНИЕ. Знание о том, что там, в кресле — дыра. И эта дыра ВИДИТ ЕГО. Видит до атома. До последней дрожащей частицы души. И душа — его душа, его талант, его гений — потянулась к этой дыре. Как железо к магниту. Как щепка к водопаду. Как последняя секунда жизни к смерти.

Он не помнил, как побежал.

Говорят, он выронил папку. Рукопись рассыпалась по сцене — белые листы на чёрном полу, как крылья подбитой птицы, ещё недавно бывшие ему опорой. Говорят, он сшиб микрофон, отшвырнул пюпитр, упал со сцены в проход между креслами, расшвыривая чужие ноги, слыша за спиной недо-

уменный шёпот, а потом — тишину. Потому что зал замер. Они не видели того, что видел он. Они видели только поэта, который сошёл с ума посреди своего триумфа.

Он бежал по коридорам Сорбонны. Потом по улицам Парижа. Потом — не помнил. Ноги сами несли его сквозь ночь, сквозь страх, сквозь пустоту, которая теперь была не снаружи, а внутри. Ком в груди пульсировал. Он бежал, пока не рухнул. Где-то на вокзале. В грязном тамбуре. Без денег, без документов, без папки с поэмой, без имени.

Он больше не был поэтом. Он был мухой, запутавшейся в паутине. И паук уже неспеша шёл к нему по нити.

Часть вторая. "Рассвет"

Мытарства длились долго. Месяцы. Годы. Он не считал. Он терял счёт времени там, где время перестало что-либо значить.

Он пил. Он забывался. Он пытался писать — но строки были плоскими, беззубыми, безвкусными. Без Истины. Его Истина, его Погибель осталась ждать там, в центре первого ряда. Когда деньги кончились, а друзья отвернулись, он оказался в комнате. Крошечной, задушенной пылью веков и пеплом несгоревших стихов. Общежитие «Рассвет» завода осветительных конструкций — с лживым названием, потому что рассветы здесь были серы, а закаты пахли дешёвым спиртом и отчаянием.

Его храм. Его каземат.

Стол — поле битвы. Книги, поверженные в хаосе. Рукописи. Горы исписанного и девственно пустого — памятники поражений. Чья-то старая чернильница. Вечно сухая. Будто само Вдохновение, насмехаясь, выпило последние капли, оставив лишь чёрный, бездонный зев.

Под столом — бутылки, Легион павших. «Столичная», портвейн, что-то ещё, безымянное и едкое. Солдаты войн с немотой страницы, с гудящей пустотой в черепе. Их цель — залить тревогу. Тревогу, что вечно шевелилась в углу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.